

Когда Цзян Сяосань вернулся, его плетёная корзина была доверху наполнена плотно утрамбованными листьями батата. Он был ещё мал и работал не так быстро, как взрослые, — ему потребовалось почти три часа, чтобы набрать полную корзину. Цзян Сяои, полагавший, что тот отправился к подножию горы за хворостом, не знал, смеяться ему или плакать. Пришлось вымыть листья и отложить, чтобы приготовить вечером.

Однако кулинарного таланта у него, видимо, не было. Хотя он и следовал всем утренним указаниям Бай Цзыму, не жалея ни масла, ни соли, в итоге его жареные листья батата и близко не походили на утреннее блюдо. Они отдавали дымом, а некоторые и вовсе подгорели.

Цзян Сяои молча отрёкся от своих утренних слов.

Впрочем, все четверо ели с аппетитом, особенно отец Цзян. После целого дня тяжёлой работы, голодный и уставший, он находил вкусной любую еду. Увидев, что овощи щедро политы маслом, он с любопытством задал пару вопросов, но Цзян Сяои сумел уйти от ответа.

Ночью, лёжа на боку, Цзян Сяои долго смотрел на Бай Цзыму. Он не отводил взгляда, пока тот не почувствовал себя совершенно неуютно.

— Ты сегодня снова придёшь в мой сон? — наконец спросил он.

Бай Цзыму притворился, что не понимает, и уставился в потолок, на стены — куда угодно, только не на него.

— Какой сон? Не знаю, о чём ты.

При этих словах Цзян Сяои не смог скрыть разочарования.

На самом деле, ещё днём, когда он в одиночестве рубил дрова в горах, он, поразмыслив, и сам пришёл к выводу, что это невозможно. Вчерашнее, должно быть, и вправду было лишь сном. Разве может в этом мире существовать столь безупречно красивый, благородный и похожий на небожителя человек?

Вероятно, он просто напридумывал себе лишнего.

Цзян Сяои поник, но не стал заикливаться на этом. Он ткнул пальцем в мягкий живот Бай Цзыму. Зная свои сильные и слабые стороны, он предложил:

— Сяосань любит поесть. Сегодня твои жареные листья батата были очень вкусными, завтра он наверняка снова пойдёт в поле за ними. Когда он вернётся, приготовишь их, хорошо?

Бай Цзыму отмахнулся от его руки.

— А ты не можешь?

— У меня невкусно получается, — ответил Цзян Сяои. — Ты говорил, у тебя есть техника, а у меня её нет.

Бай Цзыму решил подразнить его:

— Да какая там техника, просто сноровка от практики. Это как задницу вытирать: чем чаще вытираешь, тем точнее получается, даже если никогда её не видел. Так что ты больше тренируйся, чаще жарь, и со временем у тебя даже дерьмо будет ароматным получаться.

Цзян Сяои замер. «...»

А потом шлёпнул его по заду.

Как бы то ни было, это был его младший брат, которого он вырастил собственными руками. На следующий день, как и ожидал Цзян Сяои, Цзян Сяосань притащил ещё одну корзину листьев батата.

Он был ещё мал и не слишком сообразителен. Не понимая, что вкус блюду придают масло и соль, он решил, что жареные листья батата вкусны сами по себе. Съев их дважды, он так и не насытился. Утром, как только отец Цзян и Цзян Сяои ушли, он вместе с Цзян Сяоэром отправился в поле.

И не просто так: набрав достаточно листьев, он ещё и помог тётушке выполоть сорняки. Его маленькие ручки были перепачканы в земле, а сок батата, попав на одежду или кожу, очень трудно отстирывался. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань полдня отмывали руки на кухне, но они всё равно остались тёмными. В конце концов, махнув на это рукой, они послушно уселись у входа ждать возвращения Цзян Сяои.

Но сегодня, по какой-то причине, время шло, а Цзян Сяои всё не возвращался.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань умели варить кашу, но не готовить овощи.

Печь в доме Цзянов была сложена из глины и имела два очага. Тот, что предназначался для варки, был низким, едва доставая Цзян Сяосаню до носа. А вот очаг для жарки был высоким, почти на две головы выше него. Из-за такой высоты готовить на нём, постоянно наклоняясь, было неудобно.

Каждый раз, когда Цзян Сяои готовил, братья помогали ему. В сущности, приготовление овощей не сильно отличалось от варки каши: вскипятить воду, бросить овощи, время от времени помешивать и перед подачей посолить. Ничего сложного. Но Цзян Сяои никогда не позволял им готовить, боясь, что они заберутся на печь и случайно упадут в котёл.

Родители живы — семья не делится. В деревне большинство братьев жили вместе. Когда людей много, маленький котёл создавал бы неудобства не только для приготовления пищи, но и для подогрева воды для купания. Поэтому в каждом доме котлы для готовки были большими и глубокими.

Несколько лет назад в одной семье произошёл несчастный случай. Говорят, мать варила детям яйца и, отвлёкшись, пошла на задний двор чистить курятник, оставив печь без присмотра. Ребёнок, не дождавшись, сам залез на печь и случайно упал в котёл с кипящей водой. Его даже не успели довести до города — он скончался по дороге.

Цзян Сяои, опасаясь подобного, строго-настрого запретил младшим братьям подходить к плите.

Раньше, в прохладную погоду, Цзян Сяои готовил утром побольше, оставляя часть на обед, чтобы братья могли разогреть её в котле для варки риса. Но в жару так делать было нельзя — варёные овощи быстро портились. Поэтому, как бы далеко он ни уходил и сколько бы времени это ни занимало, он всегда возвращался на обед.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань проголодались. Утром они ели лишь жидкую кашу, а после работы в поле она давно переварилась. Не в силах больше терпеть, Цзян Сяоэр достал из кармана молочную конфету.

От частого облизывания она стала размером с арахис. Бумажка прилипла к ней из-за слюны. Цзян Сяоэр положил конфету в рот и тщательно облизал обёртку, прежде чем снова выглянуть во двор.

Бай Цзыму, закончив совершенствование, вышел из комнаты. Было уже почти два часа дня, а Цзян Сяои так и не появился. Беспokoясь, что дети останутся голодными, он жестом подозвал их на кухню и велел помыть овощи.

Затем он приготовил им ещё одну тарелку жареных листьев и знаками показал, чтобы они ели, не дожидаясь.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань послушно принялись за еду. Не успели они съесть и половины, как снаружи вдруг поднялся ветер, и дверь с грохотом захлопнулась.

Цзян Сяосань так испугался, что едва не выронил миску.

Бай Цзыму подошёл к двери. За то время, что он готовил, погода резко изменилась. Небо потемнело, дул сильный ветер, срывая с угла дома плетёные корзины и швыряя их во двор.

Из соседнего дома семьи Цянь донеслись крики.

— Дачжуан, скорее беги за отцом и братом, пусть помогут убрать зерно! Дождь собирается, быстрее! Вторая невестка, носи мётлы!

Не успели они убрать и половины зерна, как хлынул ливень.

Цзян Сяоэр бросил миску и подбежал к двери кухни, нахмутив свои маленькие брови.

— Уже дождь, а старшего брата всё нет.

Цзян Сяосань, подкрепившись, с пыhtением притащил из кухни в главную комнату табуретку, взобрался на неё и, встав на цыпочки, попытался достать висевший на стене соломенный плащ.

— Дождь идёт, я отнесу старшему брату плащ.

Цзян Сяоэр раскинул руки, преграждая ему путь.

— Младший брат, старший брат говорил, что в дождь нельзя бегать по улице.

Цзян Сяосань, обняв плащ, сморщил личико.

— Но без плаща старший брат промокнет. А если промокнет — заболит. А болеть очень неприятно, придётся пить горькое лекарство...

— Старший брат скоро вернётся. Мы должны быть послушными, — Цзян Сяоэр кашлянул и очень серьёзно добавил: — Только послушных старший брат любит.

Цзян Сяосань был недоволен, но всё же спрыгнул с табуретки.

— Ладно.

Бай Цзыму сел вместе с ними под навесом ждать Цзян Сяои. Но время шло, а тот всё не появлялся. Бай Цзыму начал беспокоиться.

В последние дни Цзян Сяои всегда возвращался вовремя. Никогда ещё он так не задерживался. К тому же, в прошлый раз, когда он под дождём встречал отца, по возвращении

домой он без умолку ворчал, — значит, он бережёт своё здоровье. Увидев, что погода портится, он должен был бы вернуться пораньше.

Может, с ним что-то случилось в горах?

Эта мысль не давала Бай Цзыму покоя. Он больше не мог сидеть на месте. Обманув детей, чтобы они вернулись в дом, он выскочил под проливной дождь.

Ворота двора были закрыты, но для него это уже не было преградой.

Небо словно прорвало. Дождь лил с такой силой, что капли больно били по телу. Деревенская дорога превратилась в грязное месиво, и его короткие лапы не позволяли бежать быстро. Добравшись до подножия горы, Бай Цзыму, больше не раздумывая, принял человеческий облик и бросился вверх по склону.

Он обыскал несколько мест на полпути к вершине, но Цзян Сяои нигде не было. Он звал его, но никто не отзывался.

Бай Цзыму охватила паника, и он побежал к вершине.

— Цзян Сяои!

Капли дождя барабанили по листьям, создавая оглушительный шум. Его отчаянный крик утонул в этом хаосе, и уже в нескольких шагах его было не разобрать.

Цзян Сяои, с корзиной за спиной, опираясь на палку, промокший до нитки, прихрамывая, выбрался из бамбуковой рощи.

Он беспокоился о младших братьях, боясь, что они волнуются, и, выйдя из рощи, поспешил вниз по склону. Горная тропа была коварной. Густые кроны деревьев не пропускали солнечный свет, и некоторые камни покрылись скользким мхом. Вершина была крутой, а соломенные сандалии скользили. Не пройдя и нескольких шагов, Цзян Сяои снова упал.

Бамбуковые побеги из корзины рассыпались по земле.

Когда Бай Цзыму нашёл его, он стоял на коленях и собирал их один за другим обратно в корзину. Мокрая одежда плотно облегла его худое тело, казалось, от него остались одни кости.

Один длинный бамбуковый побег откатился далеко в сторону. Цзян Сяои попытался встать, чтобы поднять его, но снова поскользнулся и начал падать влево...

Слева был крутой обрыв, усеянный острыми выступающими камнями. Упав он туда — и можно было отправляться напрямик в чертоги Янь-вана.

Лицо Цзян Сяои побелело. Тело уже начало падать, он не мог его контролировать и в ужасе зажмурился.

— Цзян Сяои!

Чья-то рука внезапно обвила его талию. В следующее мгновение он оказался в тёплых объятиях. Незнакомец одной рукой обхватил его за пояс, а другой придержал затылок, прижимая к своей груди, и вместе с ним рухнул в заросли травы.

Прокатившись несколько раз, они остановились. Цзян Сяои долго лежал в оцепенении, слушая, как у уха размеренно и сильно бьётся чужое сердце.

Он растерянно поднял голову и встретился взглядом с Бай Цзыму.

Глаза Цзян Сяои были немного круглыми, и когда он смотрел на кого-то снизу вверх, то казался особенно милым. Его лицо было мокрым от дождя. Он моргнул, и, узнав спасителя, его лицо вспыхнуло, дыхание перехватило. Он поспешно и неуклюже вскочил с Бай Цзыму.

Бай Цзыму, не обращая внимания на боль в спине, с тревогой осмотрел Цзян Сяои с ног до головы, но, ничего не заметив, спросил:

— Ты в порядке?

Цзян Сяои уже не различал, сон это или явь. Он просто ошеломлённо смотрел на Бай Цзыму. Тот не отвечал, и Бай Цзыму встревожился ещё больше.

— Отвечай, ты не ушибся?

В голове у Цзян Сяои была пустота. Он покачал головой и тихо прошептал:

— Нет. — И тут же взволнованно спросил: — А ты?

— Я в порядке, — Бай Цзыму встал, собрал оставшиеся бамбуковые побеги, взвалил корзину на спину и сказал: — Тогда пошли домой.

Домой... Какое прекрасное слово.

Сердце Цзян Сяои смягчилось и затрепетало, но он не двигался с места.

Бай Цзыму обернулся.

— В чём дело?

— Ты — Бай Цзыму, верно? — спросил Цзян Сяои, глядя на него. — Ты умеешь превращаться, да?

Он спрашивал с трепетом и нетерпением, в его голосе звучала нескрываемая надежда.

Сейчас было явно не время для таких вопросов, но он не мог удержаться. Бай Цзыму молчал, и его сердце начало опускаться. Видя его упрямство и понимая, что без ответа он не сдвинется с места, Бай Цзыму захотелось его ударить. Он пожалел, что в спешке потерял голову и явил свой истинный облик.

— Да. Пойдём домой. Сяоэр и Сяосань очень за тебя беспокоятся.

Получив подтверждение, Цзян Сяои просиял, словно нашёл клад. Он радостно и взволнованно произнёс:

— Но я упал и, кажется, подвернул ногу.

Бай Цзыму замер. «...Только что я спрашивал, не ушибся ли ты, а ты головой мотал!»

Цзян Сяои молча сжимал палку, опустив голову, словно напроказивший ребёнок.

Бай Цзыму несколько секунд смотрел на него, затем, тяжело вздохнув, сдался. Казалось, этот маленький гэ'эр был рождён, чтобы быть его проклятием.

— Какую ногу? — спросил он.

Цзян Сяои указал на правую.

— Эту.

— Сядь, я посмотрю, — сказал Бай Цзыму.

При этих словах лицо Цзян Сяои вспыхнуло. Мужчины и женщины не должны были прикасаться друг к другу. К тому же, он сегодня был в соломенных сандалиях, ходил по горным тропам, и сейчас они были полны грязи и травы, невероятно грязные. Как он мог позволить?.. Но Бай Цзыму уже опустился перед ним на одно колено.

— Садись скорее!

Его голос, мягкий и благородный, обладал какой-то магической, чарующей силой. Цзян Сяои, как в тумане, сел.

Бай Цзыму, не обращая внимания на грязь, снял с него сандалию. Лодыжка была слегка припухшей и покрасневшей, но явной деформации не было. Он осторожно нажал, и сердце Цзян Сяои на мгновение замерло. Он инстинктивно отдернул ногу, чувствуя, как место прикосновения Бай Цзыму горит, словно от искры, и это было почти невыносимо.

Он украдкой взглянул на Бай Цзыму. На его лице не было и тени отвращения, он серьёзно осматривал ногу. Цзян Сяои вздохнул с облегчением.

Когда-то Бай Цзыму сказал, что его ударила молния за то, что он слишком красив. Тогда он не поверил, считая, что тот хвастается. Панда — и вдруг красив? Но сейчас... этот человек был так прекрасен, что неудивительно, что его ударила молния.

— Так больно? — внезапно спросил Бай Цзыму.

Цзян Сяои очнулся и честно ответил:

— Немного.

Бай Цзыму нажал рядом.

— А так?

— Не больно.

— Значит, просто растяжение связок, — Бай Цзыму пододвинул к себе корзину и спокойно повернулся спиной. — Залезай.

Цзян Сяои широко раскрыл глаза, с недоверием глядя на человека, присевшего перед ним.

Бай Цзыму был очень красив, но его красота создавала ощущение дистанции. А когда он улыбался, в его улыбке проскальзывало что-то озорное и дьявольское.

И той ночью во сне, и сейчас, хоть Бай Цзыму и был одет странно, Цзян Сяои видел, что ткань его одежды была очень качественной и выглядела мягкой. Бай Цзыму был блее Лю Хуцзы, его пальцы были тонкими — не похоже, чтобы он занимался физическим трудом. Он выглядел более благородным, чем сыновья богачей в городе.

Сыновья богатых семей — знатные, гордые, высокомерные. Он не ожидал, что Бай Цзыму не только не побрезгует дотронуться до его грязной ноги, но и присядет и предложит понести его.

— Я... я грязный, — растерянно пробормотал он.

Видимо, он упал и раньше — левая штанина и половина тела Цзян Сяои были в жёлтой грязи. А на Бай Цзыму сейчас были чёрные брюки и белая рубашка, не застёгнутая доверху, открывающая соблазнительные ключицы. На шее висело ожерелье. Он выглядел сексуально и харизматично: узкая талия, длинные ноги, блестящая пряжка ремня. Рубашка была такой белоснежной, что, если испачкается, отстирать её будет непросто.

— Залезай, — повторил Бай Цзыму, не обращая на это внимания.

Дождь шёл уже давно, и, судя по тёмному небу, прекращаться не собирался. Цзян Сяои и так промок, и если они будут мешкать, Бай Цзыму боялся, что он простудится.

— Быстрее, — сказал он, напрягая лицо. — Отсюда до дома далеко. Если не залезешь, я тебя брошу и пойду один. А в такую дождливую тёмную погоду, кто знает, какая нечисть с растрёпанными волосами и высунутым языком бродит по горам. Ой, как страшно.

Цзян Сяои замер. «...»

Поджав губы, он послушно забрался ему на спину и обхватил руками за шею.

Когда Бай Цзыму обхватил его под коленями и поднял, его и без того покрасневшее от смущения лицо залилось густым румянцем, покраснели даже уши.

Бай Цзыму, с корзиной спереди и гэ'эром сзади, шёл уверенно.

— Почему ты сегодня так долго? Спал в горах? — внезапно спросил он.

«...Какой сумасшедший будет спать в горах? Домашняя кровать что, не такая удобная?»

— Я искал бамбуковые побеги, — ответил Цзян Сяои.

Раньше все были заняты посадкой бобов, и в горах за побегами никто не ходил. Но в последние

дни, когда у людей появилось свободное время, в горы за побегами повалил народ.

Такие «дикие дары» гор очень ценились в городе. Грибы, древесные уши, бамбуковые побеги — всё это продавалось лучше, чем овощи с огорода. А если не продашь, можно было засушить и оставить на Новый год. Купить фунт жирного мяса, потушить с сушёными побегами — они получались упругими, пропитанными жиром, невероятно вкусными.

Недавно Цзян Сяои собрал много побегов и, продав их, заработал несколько десятков вэней. Но тогда людей было мало, и побегов было много — за полчаса можно было набрать полную корзину. А сейчас, когда людей стало больше, иногда приходилось долго искать, чтобы найти хоть один.

Днём Цзян Сяои хотел собрать немного для Бай Цзыму, но, как ни искал, нашёл всего несколько штук. Он подумал, что на вершине горы, куда ходят реже, их должно быть больше, и отправился туда. Но, увлечшись поисками, он потерял счёт времени.

В горле у Бай Цзыму пересохло, в душе зародилось неопишное чувство.

Цзян Сяои, поджав губы, спросил:

— Позавчера в городе... тот человек, это был ты?

Бай Цзыму понял, о чём он. В тот день, когда Цзян Сяоэр уснул, он решил прогуляться и, сам того не заметив, оказался на Западной улице. Там он увидел, как обижают Цзян Сяои. Он принял другой облик, а не свой собственный, именно потому, что боялся, что, спасая красавца, он спровоцирует того на признание в вечной любви.

Он превратился в одного из своих племянников-учеников из секты. Тот был настолько уродлив и похож на разбойника, что за триста лет так и не нашёл себе жену. Его старший брат-ученик говорил, что даже вдовы из деревни у подножия горы на него не смотрели.

Чтобы избежать проблем, он специально изменил внешность. Неужели Цзян Сяои всё равно его узнал? Наверняка просто проверяет.

— Какой человек? Я не понимаю, о чём ты.

Цзян Сяои усмехнулся.

— Не притворяйся. Я почувствовал на тебе запах пряных полосок.

Бай Цзыму замолчал. «...»

Цзян Сяои больше ничего не говорил.

Спина незнакомца была горячей. Бай Цзыму казался худым, но его спина была крепкой и широкой. Сейчас, под мокрой одеждой, смутно угадывались мышцы и ровные, сильные линии плеч. Это было очень привлекательно. У Цзян Сяои невольно пересохло в горле.

Шум дождя был оглушительным, изредка смешиваясь с криками птиц. Но в этом хаосе звуков ему казалось, что он слышит ровное и сильное дыхание Бай Цзыму.

Он был неженатым гэ'эром, и находиться в такой близости с женщиной было совершенно неприлично. Если кто-то увидит, пойдут сплетни. Когда Бай Цзыму торопил его, он должен был отказаться. Но им овладело какое-то наваждение.

Он не мог отказаться. Он слишком хотел быть рядом с этим человеком.

Сейчас шёл сильный дождь, и в деревне, скорее всего, никого не было. Но Бай Цзыму всё равно сделал крюк и, донеся Цзян Сяои до двора, опустил его.

— Нога всё ещё сильно болит? Сможешь сам дойти?

Цзян Сяои кивнул, взял корзину и, как замороженный, смотрел, как Бай Цзыму снова превращается в медвежонка.

Даже будучи готовым к этому, он не мог не поражаться этому чуду. Медвежонок — круглый, пухлый, не достающий ему и до колена — в мгновение ока превратился в такого высокого человека... Он сам едва доставал ему до шеи.

— У-у-у...

Плач Цзян Сяосаня вернул Цзян Сяои к реальности. Он пришёл в себя, поспешно подхватил медвежонка и, прихрамывая, побежал домой.

<http://bllate.org/book/13701/1588438>